

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ. Дмитрий Николаевич Сенявин

Автор: А. Г. Сацкий

Сацкий Анатолий Григорьевич - кандидат технических наук. Украинский государственный морской технический университет.

В плеяде известных российских адмиралов есть два имени флотоводцев с большой буквы - Ф. Ф. Ушаков и Д. Н. Сенявин. Сложилось так, что почти все крупные победы российского флота - Чесма, Наварин, Синоп - являлись операциями по уничтожению вражеских эскадр, заблокированных на своих базах и лишенных возможности маневра. И только Ушаков и Сенявин выиграли сражения в открытом море, что расценивается специалистами как высшее проявление военно-морского искусства. Вершиной флотоводческого таланта Ушакова считается битва при Калиакре, для Сенявина же это Афонское сражение. По грамотности замысла, четкости реализации и блестящему результату последнее является классическим образцом битвы парусных флотов и с полным правом может быть отнесено к высшему достижению отечественной военно-морской мысли. Однако негативные итоги сенявинской средиземноморской экспедиции, обусловленные политическими обстоятельствами, и последовавшая затем опала Сенявина, приверженность правительственных кругов в первой четверти XIX в. континентальной доктрине и недооценка роли и значения флота, стали причиной если не забвения, то умаления заслуг одного из талантливейших адмиралов российского флота.

Фамилия Сенявины появилась в российском флоте почти одновременно с созданием регулярных военно-морских сил Петром I. Братья Сенявины: Иван, Наум и Ульян Акимовичи входили в первую немногочисленную группу русских дворян, начавших осваивать морское искусство в конце XVII века. Двое из них, пройдя все ступени нелегкой службы в петровском флоте, начиная с матросов, достигли высоких чинов: Иван Акимович стал контрадмиралом, а Наум Акимович - вице-адмиралом. Еще выше поднялся по служебной леснице младший сын последнего - Алексей Наумович Сенявин - полный адмирал, создатель и главнокомандующий Азовской флотилии, член Адмиралтейств-совета. У него в должности генеральс-адъютанта служил его двоюродный брат Николай Сенявин, отец кадетов Сергея и Дмитрия, владелец небольшого родового имения Комлево в Калужской губернии, где 6 августа 1763 г. и родился наш герой. Служба отца вдали от дома переложила все заботы по управлению имением и воспитанию детей на плечи матери. Основам грамоты Дмитрия поначалу учил приходской священник, затем недолгое время обучение продолжалось при школе кантонистов в уездном

стр. 73

городке Боровске. На девятом году жизни его пытались определить в сухопутный кадетский корпус. А через год Николай Сенявин по совету Алексея Наумовича поместил сына в Морской корпус. Это произошло в феврале 1773 года.

В 1780 г. начались итоговые экзамены. Дмитрий Сенявин сдал их весьма успешно,

заяв заняв четвертое место в списке из 46 выпускников ¹. Указ о производстве в мичманы был подписан 1 мая. Каждый из выпускников получил на экипировку по 20 руб. и отрез сукна на мундир, с последующим вычетом этих денег и стоимости материи из 120-рублевого годового жалования. По случаю производства в мичманы двоюродный дядя Сенявина, Алексей Наумович, подарил ему 25 рублей.

В конце февраля 1780 г. Россия объявила воюющим странам - Англии, Франции и Испании о введении правил о вооруженном нейтралитете, призванных обезопасить морскую торговлю нейтральных государств ². Для поддержания принципов свободы мореплавания в поход были назначены три балтийские эскадры: одна в Средиземное море, другая в северные воды, и третья, под командованием бригадира Н. Л. Палибина, к берегам Португалии ³. В состав последней входил линейный корабль "Кн. Владимир", на который был определен мичман Сенявин. В середине июня эскадра снялась с якорей и пошла в Атлантику. С приближением осени эскадра Палибина в соответствии с имевшимися инструкциями взяла обратный курс к балтийским портам. Однако противные ветры упорно удерживали суда в океане. Отчаявшись вернуться до зимы в свои гавани, совет командиров решил направить корабли в нейтральный Лиссабон. Зиму эскадра провела на реке Тежу под стенами португальской столицы. Едва ли не ежедневные обеды и балы у богатых негоциантов, иностранных дипломатов и португальских вельмож, ответные приемы на флагманском "Иезекииле" не позволяли скучать русским офицерам. Сенявин писал в воспоминаниях: "Я был тогда на 18-м году и резв до беспамятства". Причем "резв" до такой степени, что командуя эскадрой, близко знавший отца и дядей Сенявина, и поэтому опекавший его, предупредил, что "если ты не перестанешь беситься, я право отдеру тебя на обе корки". Палибин, относившийся к Сенявину, как к родному сыну, постоянно брал его с собой на приемы и балы. В ту зиму Сенявин близко познакомился с флаг-офицером Палибина - своим будущим покровителем и начальником капитан-лейтенантом Н. С. Мордвиновым. Прошли зима и большая часть весны, пришло время возвращаться на Балтику. Сенявин покидал Лиссабон в душевном смятении, едва-ли не со слезами, расставаясь со своей первой любовью - пятнадцатилетней англичанкой Нэнси Плиус, с которой ему доведется еще встретиться здесь же спустя 28 лет.

На кампанию следующего, 1782 г. Сенявина определили на эскадру, назначенную для похода в Средиземное море. Он уже находился на борту корабля "Америка", когда получил предписание Адмиралтейств-коллегии о переводе в числе 15 мичманов выпуска 1780 г. в Азовскую флотилию. Прибыв в Петербург для получения проездных документов, Сенявин побывал и у своего знаменитого дяди. Алексей Наумович спросил племянника, где тот хотел бы служить и услышал в ответ, что "батюшка приказал мне служить, и мне все равно там или здесь" ⁴. Получив для препровождения на Азовское море команду из 12 матросов и унтер-офицера, Сенявин отправился на ямских подводах через Москву в Таганрог. По пути он заехал повидаться с родными в село Комлево.

Из Таганрога молодых офицеров отправили в Керчь - базу Азовской флотилии. Там Сенявин получил назначение на корабль "Хотин", где находился командующий флотилией бригадир Т. Г. Козлянинов. "Хотин" перевозил в Петровскую крепость крымского хана Шагин-Гирея с сопровождавшими его мурзами. Прощаясь с экипажем, хан одарил офицеров: Сенявин получил серебряные часы. Из Петровской крепости "Хотин" вернулся в Керчь, а затем перешел в Кафу. В корабле обнаружилась сильная течь, и он возвратился для ремонта в Керчь. Здесь находился

накануне из Таганрога новый 32-пушечный фрегат "Крым". Козлянинов перебрался на фрегат, взяв с собой и Сенявина. Вскоре "Крым" бросил якорь на феодосийском рейде. Офицеры часто ездили на берег, не обращая внимания на слухи о появившейся в городе чуме. Первый больной обнаружился на фрегате 1 ноября. Козлянинов отправил "Крым" в Керченский пролив. Там, вдали от города, экипаж разбил на берегу лазарет, но болезнь унесла 18 человек⁵.

1 января 1783 г. Сенявин был произведен в лейтенанты. В начале апреля из Петербурга в Керчь прибыли вице-адмирал Ф. А. Клокачев, назначенный главнокомандующим флота на Азовском и Черном морях, и контр-адмирал Т. Макензи. Манифестом от 8 апреля Россия объявила о включении Крымского ханства в состав империи, в результате чего российские морские силы получили Ахтиарскую бухту для базирования. Генерал-губернатор Новороссии князь Г. А. Потемкин приказал Азовской флотилии передислоцироваться в Ахтиар. 2 мая суда флотилии бросили якоря в будущей главной базе Черноморского флота. 8 мая Клокачев по распоряжению Потемкина отбыл в Херсон, чтобы возглавить Черноморское ведомство, поручив эскадру Макензи. Контр-адмирал назначил Сенявина своим флаг-офицером и адъютантом. Если судить по тому, что Сенявин позволял себе отдавать общие распоряжения по эскадре за спиной командующего, он пользовался практически неограниченным доверием Макензи.

В конце мая пришло распоряжение Клокачева о создании в Ахтиаре военного порта. Следовало приступить к постройке пристаней, казарм, сараев для хранения судового имущества, флигелей для жилья офицеров. Сенявину, как помощнику командующего, приходилось заниматься хозяйственно-бытовыми, строительными, снабженческими вопросами⁶. Из камня, доставлявшегося матросами из развалин расположенного поблизости древнегреческого Херсонеса, строились часовня, дом для Макензи, пристань и кузница.

В октябре 1783 г. от чумы умер Клокачев. Из столицы прибыл новый командующий вице-адмирал Я. Ф. Сухотин. Черноморский флот и военный порт в Ахтиаре продолжали строиться. Г. А. Потемкин избрал для зарождающегося города греческое имя Севастополь, которое и было утверждено Екатериной II в начале 1784 года⁷.

Зимние месяцы в Севастополе, как вспоминал Сенявин, проходили довольно весело. Макензи отвел большой склад под благородное собрание, где трижды в неделю собиралось общество, преимущественно офицеры. В воскресные и праздничные дни Макензи устраивал приемы в своем доме. В свободные дни общество отправлялось на охоту или на рыбалку. Всюду контрадмирал Макензи являлся со своим флаг-офицером. Несколько раз в Севастополь приезжал Потемкин. "Я всегда назначался к нему в ординарцы, - вспоминал Сенявин, - он часто по многому спрашивал меня, я угождал ему ответами и тем нравился ему"⁸.

В кампанию 1785 г. в море вышла эскадра, состоявшая из 66-пушечной "Славы Екатерины" и шести 32-пушечных азовских фрегатов. "Крыма", в команде которого продолжал числиться Сенявин, среди них не было. Осенью севастопольская эскадра пополнилась линейным кораблем "Св. Павел", которым командовал капитан 1 ранга Ф. Ф. Ушаков, 54-пушечным фрегатом "Св. Георгий" и 66-пушечной "Марией Магдалиной". Этот год ознаменовался радикальными переменами в управлении Черноморским ведомством, перешедшим из ведения Государственной адмиралтейской коллегии в полное подчинение Потемкину. Для руководства ведомством было организовано Черноморское адмиралтейское правление⁹. Вице-адмирал Сухотин отбыл на Балтику, передав дела старшему члену правления капитану 1 ранга Н. С. Мордвинову. В начале января 1786 г. скоропостижно скончался контр-адмирал Макензи. По распоряжению Потемкина в командование эскадрой вступил М. И. Войнович, оставивший Сенявина в прежней должности флаг-офицера.

Весной 1786 г. Сенявин заболел крымской лихорадкой. Войнович, с участием относившийся к здоровью своего флаг-офицера, летом назначил его командиром бота "Карабут", ходившего под почтовым флагом в Констан-

стр. 75

тинополь с депешами к российскому посланнику при Оттоманской Порте Я. И. Булгакову. Командующий надеялся, что смена климата положительно скажется на состоянии здоровья Сенявина. Более чем месячная задержка в Босфоре действительно излечила его от малярии¹⁰.

В первой половине 1787 г. происходило знаменитое путешествие Екатерины II в Новороссию. Главным подарком, который Потемкин намеревался преподнести императрице, являлся Черноморский флот. Немалая доля забот легла на плечи Сенявина как помощника командующего. Судя по мартовской ведомости, он продолжал числиться командиром пакетбота "Карабут". В конце апреля Войнович отправил Сенявина с проектом церемониала встречи императрицы в Севастополе для согласования с Потемкиным, находившимся в это время при Екатерине II в Кременчуге. Продолав половину пути на перекладных, а остальные три сотни верст верхом по летучей казачьей почте, Сенявин успел в качестве зрителя побывать на балу, устроенном местным дворянством в честь высоких гостей. Уже на следующий день он с утвержденным Потемкиным церемониалом встречи отправился в обратный путь.

Под вечер субботы 22 мая Екатерина II прибыла из Инкермана на шлюпке в Севастополь. Накануне сюда был доставлен указ, подписанный 16 мая императрицей, о производстве в следующие чины большей группы офицеров. В частности, Мордвинов и Войнович были пожалованы в контр-адмиралы, Ушаков в капитаны бригадирского ранга, Сенявин в капитан-лейтенанты. Сенявина Екатерине II Потемкин представлял лично¹¹.

Поездка Екатерины II в Новороссию, расцененная европейской дипломатией как политическая демонстрация экспансионистских устремлений России на Балканы,

чрезвычайно встревожила не только Оттоманскую Порту. Война началась 21 августа 1787 г. нападением турецких канонерских лодок на стоящие у Кинбурна русские военные суда.

31 августа севастопольская эскадра в составе трех 66-пушечных кораблей, двух 54- и пяти 40-пушечных фрегатов вышла в море, имея приказ уничтожить находящуюся у Варны часть турецкого флота. Когда утром 8 сентября суда подошли к мысу Калиакра, ветер переменял направление, предвещая шторм. 9 сентября начался "чрезвычайный шторм с дождем и превеликой мрачностью". Флагманская "Слава Екатерины", где при Войновиче находился Сенявин, потеряла все три мачты и бушприт уже утром. Из-за непрерывной качки в корпусе образовалась течь: вода в трюме поднялась на три метра, и несмотря на предпринятые усилия, не убывала. Стараясь облегчить корабль, за борт выбрасывали все, что только было можно. Одним из немногих офицеров, сохранивших в эти драматические часы присутствие духа и хладнокровие, был Сенявин. Корабль остался на плаву в значительной мере благодаря его мужеству, самообладанию и распорядительности. В критическую минуту он взял на себя командование спасательными работами.

"Св. Екатерина" добралась до Севастополя под импровизированной парусной оснасткой только 22 сентября. На рейде ее ожидало зрелище истерзанных пятидневным штормом судов эскадры. Она практически перестала существовать.

Войнович отправил 24 сентября Сенявина с донесениями о постигшей флот катастрофе к Мордвинову и Потемкину. В кратком письме к Мордвинову он сообщал: "Капитан-лейтенант Сенявин вам обо всем донесет обстоятельно; он офицер испытанный и такой, каких я мало видел; его служба во время несчастья была отменная". Из Херсона Сенявин отправился в Кременчуг. Здесь Потемкин задержал его на несколько дней, заставляя опять и опять рассказывать с новыми подробностями о трагическом плавании эскадры, а главное, позволяя Сенявину убедить себя, что флот к маю будущего года будет исправлен, выйдет в море и разобьет неприятеля. Только 1 октября Сенявин покинул ставку светлейшего. Прибыв на следующий день в Херсон, он узнал о нападении турок на Кинбурн и победе А. В. Суворова. Пробыв в Херсоне десяток дней, он возвратился в Севастополь.

стр. 76

Зима и весна 1788 г. прошли в трудах и заботах по ремонту судов и восстановлению боеспособности севастопольской эскадры. В море она вышла 18 июня. А 3 июля произошло первое большое сражение между молодым черноморским и турецким флотами. Последний в несколько раз превосходил российскую эскадру как по числу и рангу линейных кораблей и фрегатов, так и по количеству и калибру орудий. Тем не менее, лежавшие в линии баталии русские суда выдержали удар двух колонн турецкого флота, заставив последний покинуть место боя с большими повреждениями; причем особенно пострадал 80-пушечный корабль капитан-паши.

Рапорт Войновича о сражении в ставку Потемкина повез Сенявин. Излагая обстоятельства боя и отмечая заслуги офицеров и экипажей судов своей эскадры,

контр-адмирал, в частности, писал, что "находящийся за флаг- капитана, капитан-лейтенант Сенявин отменно храбр и неустрашим" ¹² . Этот рапорт стал поводом для начала открытой конфронтации между Войновичем и Ушаковым, считавшим, что контр-адмирал из зависти принизил заслуги как самого Ушакова, так и авангарда, которым он командовал, и чьи действия сыграли решающую роль в исходе сражения. Поскольку Сенявин по должности флаг-офицера занимался делопроизводством по эскадре, в том числе составлением проектов приказов, донесений, распоряжений, рапортов и т. п., то, естественно, враждебное отношение Ушакова к Войновичу распространилось и на его флаг-капитана.

На основании донесения Войновича Потемкин составил реляцию Екатерине II о сражении и отправил ее с Сенявиным в Петербург ¹³ . По прибытии в столицу он был принят императрицей и за доставление радостного известия получил из ее рук золотую, украшенную бриллиантами табакерку с двумястами червонцами ¹⁴ . Досрочное же производство в следующий чин (такой вид награды лицам, доставившим победную реляцию, практиковался достаточно широко) Екатерина II оставила на усмотрение князя ¹⁵ . По действовавшему положению Потемкин мог выбрать двух морских офицеров в ранге подполковника для назначения своими генеральс-адъютантами ¹⁶ . Князь назначил орденом от 11 августа вернувшегося из Петербурга Сенявина генеральс-адъютантом. По флотским спискам Сенявин продолжал числиться в чине капитан-лейтенанта, хотя теперь находился в должности, соответствовавшей капитану 2 ранга. Только в июле 1791 г. Потемкин предписал Черноморскому адмиралтейскому правлению поместить Сенявина и второго генеральс-адъютанта М. Л. Львова в список капитанов 2 ранга, считая их в этом чине с момента назначения на адъютантские должности. Служба при всемогущем Потемкине порученцем хотя и накладывала огромную ответственность, но и открывала большие возможности в отношении дальнейшей карьеры, и, к тому же, давала определенные материальные выгоды: генеральс-адъютанты получали двойной оклад по чину.

Из ставки Потемкина Сенявин возвратился в Севастополь. В начале сентября там стало известно о находящихся у берегов Анатолии восьми турецких транспортных судах. Войнович решил направить туда крейсерский отряд из казенного "Полоцка" и трех греческих корсарских судов. "По известной мне способности вашей светлости штаба генеральс-адъютанта Сенявина, - сообщал контр-адмирал Потемкину, - препоручил оному сию экспедицию". Сенявин с блеском выполнил поставленную задачу. Покинув 16 сентября Севастополь, отряд, пройдя вдоль неприятельского побережья от Синопа до Гиресуна, за десять дней потопил и сжег 11 крупных и мелких грузовых судов, уничтожил несколько береговых складов и 6 октября вернулся в базу с богатой добычей и пленными ¹⁷ . Об успешном рейде отряда Сенявина к берегам Анатолии императрица узнала из донесения Потемкина, по представлению которого за этот поход он был награжден орденом св. Георгия 4 степени.

Следующим заданием, порученным Сенявину теперь уже Потемкиным, стал привод к Кинбурну 56-пушечного "Леонтия Мученика". Этот бывший турецкий корабль, захваченный в летних сражениях в лимане и переоборудованный в "образ европейский" у Глубокой Пристанки, срочно нужен был для

усиления лиманской флотилии в связи с намеченным штурмом Очакова. Когда прошли все обещанные сроки готовности "Леонтия", Потемкин решил отправить в Глубокую Сенявина для обеспечения доставки корабля к Кинбурну. 11 октября князь предписал Войновичу "прислать как наискорее" к нему Сенявина. И уже утром 21 октября генеральс-адъютант находился на борту "Леонтия". На следующий день, несмотря на недоделки и бурную погоду, Сенявин приказал ставить паруса. Попав на мель, но благополучно снявшись с нее, он сумел привести корабль к Кинбурну¹⁸.

Зима в том году сковала льдом лиман как никогда рано. Большинство судов парусной и гребной флотилий, застигнутые морозами в лимане, все же смогли, разбивая лед, пробиться к Глубокой Пристани. Несколько судов погибло. "Св. Владимир" - 66-пушечный линейный корабль - вмерз в лед у Кинбурна. Стремясь спасти новый корабль, Потемкин приказал прорубить во льду канал к открытой воде и отправить "Владимир" в Севастополь, считая, что "из всех рисков, сей меньшей". Только к 8 января удалось вырвать корабль из ледового плена. Возглавить опасный зимний переход князь поручил Сенявину. Еще ни один корабль Черноморского флота не выходил в море в столь позднее время года. И на этот раз Сенявин с честью справился с чрезвычайно ответственным поручением - 18 января "Св. Владимир" благополучно прибыл в главную базу флота. Наградой молодому офицеру стал орден Св. Владимира 4 степени¹⁹.

Конец 1788 г. ознаменовался не только взятием Очакова, но и сменой командования Черноморским флотом. Мордвинов из-за конфликтов с Потемкиным подал в отставку; на его место князь определил Войновича, оставив Ушакова командовать севастопольской эскадрой.

При распределении капитанов на кампанию 1789 г. Сенявин был назначен на 80-пушечный "Иосиф II"²⁰. Корабль, спущенный на воду еще в мае 1787 г. в присутствии Екатерины II и австрийского императора, в честь которого он был назван, продолжал находиться в Херсоне. И только теперь, после полного овладения лиманом, "Иосифа" перевели к Глубокой Пристани на достройку. Месяц спустя корабль вместе с новым 54-пушечным "Св. Александром" и "Леонтием Мучеником" перешел к Кинбурну для установки пушек и подготовки к выходу в море. Здесь корабли поджидали достраивающуюся у Глубокой Пристани 60-пушечную "Марию Магдалину", чтобы затем одним отрядом соединиться с севастопольской эскадрой. В конце июня на "Иосифе" поднял свой флаг Войнович.

Частым гостем на "Иосифе" был генерал-майор И. М. де Рибас, приезжавший из Очакова к Войновичу обменяться новостями и сплетнями за обильным адмиральским столом. На встречах обычно присутствовал и Сенявин²¹. Видимо, с этого времени и установились дружеские отношения между Сенявиным и Рибасом.

1790 г. принес очередные изменения в руководстве морскими силами на Черном море. Потемкин, недовольный упущенной возможностью дать сражение турецкому флоту из-за несогласованности и инертности действий лиманской и севастопольской эскадр в прошедшую кампанию, решил лично возглавить Черноморское ведомство,

подчинив его структурные части отдельным начальникам. Ушаков получил в командование корабельный флот, И. М. де-Рибас - гребную флотилию. Войновича князь отстранил от должности и отправил командовать Каспийской флотилией. На спешно достраиваемый в Херсоне 50-пушечный фрегат "Навархия Вознесение Господне" Потемкин ордером от 14 марта определил командиром Сенявина²². Ушаков 7 апреля отрапортовал Потемкину, что на днях отправляет генеральс-адъютанта из Севастополя сухим путем, "дабы он не упуская времени находился при вверенном ему корабле".

В 20-х числах августа "Навархия" и три малых фрегата стояли под Очаковом в ожидании подхода севастопольской эскадры. Турецкий флот стоял между Тендрой и Гаджибеем. Утром 28 августа с юга подошла эскадра Ушакова и с ходу атаковала неприятеля. Тендровское сражение завершилось убе-

стр. 78

дительной победой русских сил. Турецкий флот бежал в сторону Дуная, а севастопольская эскадра отправилась в Гаджибейский залив, где встретилась с гребной флотилией и "Навархией".

Началась служба Сенявина под командованием ревнителя воинской дисциплины, педантично требовательного Ушакова. Потемкин, в последнее время недовольный поведением своего генеральс-адъютанта, предписал контр-адмиралу обратить на службу Сенявина особое внимание²³. Ушаков неприязненно относился к бывшему флаг-офицеру своего недоброжелателя Войновича. Сенявин платил адмиралу той же монетой. Что касается недовольства Потемкина, то оно, в частности, было связано с неувязками в вооружении фрегата "Федот Мученик", проходившим у Кинбурна под присмотром Сенявина. "Видя "Федота" я еще больше сделался Сенявиным не доволен; посоветуйте ему исправиться", - писал князь 17 августа де-Рибасу в Очаков²⁴.

Зимой 1790 г. Сенявин ездил в Москву. По возвращении в Севастополь отношения между ним и командующим еще более ухудшились. "Кажется надеется он на какой-нибудь мой упадок и более явно наводит мне разстройку и делает помешательство в делах", - жаловался Ушаков светлейшему князю. Повод для прямого столкновения адмирала с генеральс-адъютантом не заставил себя ждать. В первых числах апреля 1791 г. Ушаков приказал отобрать с эскадры определенное число служителей "из лучших, в своем звании исправных, здоровых и способных к исправлению должностей" для отправки в Херсон и Таганрог, где они должны были составить костяк экипажей на новопостроенных кораблях и фрегатах. При смотре выделенных с судов служителей, адмирал обнаружил несколько матросов с "Навархии" с явными признаками болезней, и тут же приказал Сенявину заменить их. Тот во всеуслышание отказался это сделать. Последовал общий по флоту приказ командующего с выговором командиру "Навархии" за неисполнительность, предписанием о немедленной замене больных матросов здоровыми и предупреждением, что в случае повторения подобного адмирал будет жаловаться светлейшему. Сенявин, посчитав себя незаслуженно ославленным на весь флот, подал 9 апреля по команде рапорт с приложением прошения на имя Потемкина о

расследовании инцидента, и почти одновременно с этим послал с оказией, пользуясь своим адъютантским правом, прямо на имя светлейшего жалобу с обвинениями в адрес Ушакова. Адмирал, узнав об этом, 12 апреля направил Потемкину по делу Сенявина рапорт, донесение и личное письмо. Потемкин, находясь с 28 февраля в Петербурге, отложил разрешение конфликта до своего возвращения в Новороссию.

Однако, при крайнем недовольстве Сенявиным, Ушаков, имевший от светлейшего полномочия на назначение и смещение флотских офицеров, в том числе и командиров кораблей, не посмел отстранить от командования "Навархией" строптивного генеральс-адъютанта, назначенного на эту должность самим Потемкиным. В летнюю кампанию 1791 г. Сенявин продолжал командовать "Навархией".

Севастопольская эскадра в том году вышла в море только 10 июля. Первый выход эскадры прошел, в общем, безрезультатно. Зато второй поход был успешным. 31 июля эскадра обнаружила турецкий флот, стоящий на якорях у мыса Калиакра под защитой береговой батареи. Ушаков сходу атаковал противника. Сражение при Калиакре завершилось разгромом турецкого флота.

В рапорте Потемкину Ушаков, давая оценку действиям отдельных судов и командиров, в частности, отмечал: "командующие кораблей ... "Петра Апостола" Заостровский, "Леонтия" - Обольянинов, "Навархии" - генеральс- адъютант Сенявин хотя во время боя также оказали храбрость и мужество, но, спускаясь от ветра, не столь были близки к линии неприятельской, как прочие"²⁵. Какой-либо вины в этом названных командиров не было, а причина заключалась только в строгом следовании ими сигналам флага и определенным их кораблям местам в боевом порядке при его перестроениях и неоднократной смене галсов.

стр. 79

Победа при Калиакре явилась финалом кампании и войны в целом. 8 августа Ушаков получил депешу о заключении 31 июля перемирия, и 20 числа флот возвратился на севастопольский рейд. В этот день Потемкин, вернувшийся, наконец, из Петербурга и занявшийся рассмотрением накопившихся за его пятимесячное отсутствие дел, в частности, апрельского инцидента между Сенявиным и Ушаковым, поздравил ордером контр-адмирала с победой, объявив ему и "всем соучаствовавшим в знаменательном сем происшествии" свою благодарность, и предписал: "флота капитану второго ж ранга Сенявину, переименованному из генеральс-адъютантов, извольте приказать немедленно явиться ко мне". Отстранение Сенявина от должности адъютанта и командования кораблем без какого-либо расследования конфликта, являлось своего рода выражением признательности Ушакову как главному герою черноморских побед. Получив ордер, адмирал приказал Сенявину сдать "Навархию" новому командиру и отправляться в Яссы. Спустя неделю Ушаков получил предписание светлейшего немедленно приехать в ставку и самому. В Яссах адмирал нашел Сенявина лишенного шпаги и под арестом в кордегардии. Ему грозил военный суд и разжалование в матросы. Потемкин за "дерзость и невежество флота капитана Сенявина, нарушающие порядок и долг службы, ...готов был показать над ним примерную строгость законов"²⁶. Ушаков же считал арест и угрозу судом

достаточным наказанием для способного и храброго офицера и просил Потемкина ограничиться этой мерой, если Сенявин принесет извинения и даст обещание решительно изменить свое поведение. Светлейший пошел навстречу адмиралу и отдал ему шпагу Сенявина, разрешив вернуть ее владельцу, когда Ушаков сочтет это нужным, что сразу же и было сделано. Примирение, таким образом, формально состоялось. Однако, если судить по тому, что Сенявина не вернули в корабельный флот, не говоря уже о восстановлении в оставшейся вакантной должности генеральс-адъютанта, прощение не было полным. Правда, и его раскаяние, как показало уже ближайшее время, оказалось неискренним. В Севастополь Сенявин уже не вернулся, а получил назначение в гребной флот и отправился в Галац, где находилась Дунайская флотилия.

В начале октября 1791 г. скончался князь Потемкин. Ушаков утратил своего благодетеля. Нервозность обстановки обостряли слухи, бродившие по Севастополю. Источником "неприличных и соблазнительных для команды новостей" оказался такелаж-мастер В. Аржевитинов, получивший, как донесли Ушакову, из Херсона какие-то письма. Адмирал тут же послал чиновника изъять письма. Автором одного из них оказался Сенявин, сообщивший "новость", что вскоре И. М. де Рибас и командующий Дунайской флотилией П. В. Пустошкин будут назначены в Черноморское адмиралтейское правление и "пошлют всех других к черту", подразумевая, надо думать, в первую очередь, Ушакова, продолжавшего оставаться старшим членом этого правления. Такелаж-мастера Ушаков посадил под домашний арест, объявив о его провинности и проступке Сенявина, "которым написаны язвительные и дерзкие слова, до правления черноморского касающиеся", приказом по флоту от 24 января 1792 года.²⁷ Возмущенный неблагодарностью человека, освобожденного от "строжайшего по закону наказания" только "единственно чрез усиленные прошения и ходатайство" именно его, Ушакова, адмирал обратился к Каховскому с требованием о расследовании недостойного поведения Сенявина.

С прибытием в апреле 1792 г. нового главы Черноморского ведомства вице-адмирала Н. С. Мордвинова, положение Сенявина в корне изменилось. Сам в какой-то мере пострадавший от Потемкина, адмирал с пониманием отнесся к судьбе своего давнего, еще с лиссабонской зимовки палибинской эскадры знакомого. На кампанию 1792 г. Сенявин указом Черноморского правления был определен командиром линейного фрегата "Св. Александр Невский". Получив на руки предписание, он прибыл в Севастополь. В этот год флот в море не выходил и Сенявин, как и большинство офицеров, жил на берегу.

стр. 80

В мае 1794 г. пришел высочайший указ о посылке эскадры для проведения практического плавания. Пять кораблей, десять фрегатов, в том числе "Св. Александр" под командованием Сенявина, и несколько мелких судов в середине июля вышли в море для обучения офицеров и служителей²⁸. Флот требовал обновления. Первым шагом в этом направлении явился январский 1794 г. указ Екатерины II о постройке двух 74-пушечных кораблей. Эти суда проектировал и строил в Херсонском адмиралтействе корабельный мастер А. С. Катасанов. Новые корабли отличались от существовавших наличием сплошной верхней палубы.

Новшество, внедренное Катасановым с согласия и при поддержке Мордвинова, вызвало споры, разделив моряков на два лагеря, - во главе с Мордвиновым, и его главным оппонентом - Ушаковым. Первый из кораблей, поначалу именовавшийся "N 1", а затем "Св. Петр", спустили на воду в начале ноября 1794 г. Его командиром Мордвинов определил Сенявина. Это назначение, видимо, было заранее обговорено, если судить по тому, что еще в сентябре Сенявин взял в Адмиралтейском правлении ссуду в 300 руб. на строительство дома в Херсоне, в котором он впоследствии и жил²⁹.

В Севастополь Сенявин вернулся только 18 октября 1796 г. на новом корабле и в чине капитана 1 ранга, в который он был произведен 1 января того же года. На следующий день туда пришел и второй 74-пушечный корабль "Свв. Захарий и Елисавет". По прибытии капитаны подали на имя Ушакова рапорты о недостатках своих кораблей, выявленных в первом плавании. В противоположность Сенявину, давшему положительную оценку "Св. Петру", командир однотипного "Захария" И. И. Ознобишин высказал ряд претензий к конструкции и мореходным качествам корабля, что и послужило толчком к началу двухлетнего противостояния, в которое оказались втянуты и Государственная адмиралтейская коллегия, и сам император Павел I. Назначались специальные комиссии, производились опыты, писались рапорты, жалобы, объяснения. Стороны обвиняли друг друга в предвзятости, в подтасовке фактов, в давлении на подчиненных. Для Сенявина, основного сторонника мордвиновского лагеря в Севастополе, дальнейшая служба под началом Ушакова становилась несносной, особенно после состоявшегося в апреле 1798 г. очередного сравнительного испытания кораблей, закончившегося скандалом из-за уличения Сенявиным Ушакова в искажении фактов. Это обстоятельство явилось одной из главных причин, склонивших Сенявина к решению перейти на береговую должность.

В этом плане подходящим вариантом представлялось место капитана над Херсонским портом. Для Сенявина такое назначение явилось бы очередным шагом по служебной лестнице, поскольку по штату эта должность соответствовала чину генерал-майора флота. Необходимо было получить согласие Павла I на данное назначение. Мордвинов обратился за содействием к генерал-адъютанту императора Г. Г. Кушелеву. Все флотские дела шли к Павлу Петровичу или от него только через Кушелева.

Перевод в Херсон решал и личные проблемы Сенявина: там у него был собственный дом, семья, - в 1797 г. он женился на 25-летней дочери австрийского консула в Яссах Розоровича Терезе Ивановне. В доме консула однажды оказался и генерал-адъютант князя Потемкина. Здесь Сенявин познакомился с семьей хозяина: красавицей женой-гречанкой и двумя его дочерьми³⁰.

В кампанию 1798 г. севастопольская эскадра совершила три практических плавания в северо-западной части Черного моря. Во втором походе во время ночной грозы молния ударила в фок-мачту сенявинского "Св. Петра", серьезно повредив ее, при этом погибли три матроса³¹.

Возвратившуюся в Севастополь эскадру ожидал царский рескрипт об отправке в Средиземное море для оказания помощи Турции в войне против Франции. В середине августа эскадра под флагом Ушакова в составе шести линейных кораблей, в

том числе и "Св. Петра", шести фрегатов и нескольких мелких судов вышла в море. Уже 1 октября соединенные русско-турецкие

стр. 81

военно-морские силы заняли первый из Ионических островов - Цериго. Затем наступила очередь Занте, Кефалонии, Св. Мавры. К каждому из этих островов Ушаков направлял отдельный отряд судов с десантом. Взятие Св. Мавры, второго после Корфу по степени укрепленности острова, адмирал поручил Сенявину, выделив в его распоряжение кроме "Св. Петра" и "Навархии" еще турецкие линейный корабль и фрегат. Однако наличных сил для взятия крепости с французским гарнизоном в 540 человек и мощной артиллерией у Сенявина оказалось недостаточно, и он вынужден был просить подкрепление. К острову подошли основные русско-турецкие силы. Под угрозой штурма превосходящими силами, французское командование подписало капитуляцию, вручив Сенявину ключи от крепости, флаг и два знамени плененного гарнизона. Хотя Сенявин не справился самостоятельно с боевым заданием, тем не менее, Ушаков, оценивая в рапорте Павлу I его действия, отмечал, что Сенявин "исполнил повеления мои во всякой точности во всех случаях; ...употребил все возможные способы и распоряжения как надлежит усердному, расторопному и исправному офицеру с отличным искусством и неустрашимой храбростию"³². На основании этого представления Сенявин императорским рескриптом от 8 января 1799 г. был награжден орденом Св. Анны 2-ой степени.

Между тем, хлопоты Мордвинова об определении Сенявина капитаном над Херсонским портом увенчались успехом. Он высочайшим указом был назначен на эту должность. В Николаеве, где размещалось Черноморское адмиралтейское правление, об этом стало известно уже после ухода эскадры в Средиземное море. На запрос Мордвинова, как поступить в такой ситуации, Кушелев оставил решение вопроса на усмотрение адмирала, разрешив вернуть Сенявина на Черное море, но не считая это целесообразным³³. Сенявин, будучи формально командиром Херсонского порта, остался в эскадре Ушакова до завершения Ионической кампании.

В конце осени, когда Сенявин с эскадрой Ушакова находился в Неаполе, Павел I подписал указ о пожаловании в следующие чины большой группы офицеров. Сенявин, исключенный из флотских списков после назначения его на береговую должность капитана над Херсонским портом, этим указом производился в генерал-майоры.

Из Неаполя русская эскадра перешла в Мессину, где Ушакова ожидал рескрипт Павла I о возвращении российского флота и войск на Черное море. Только в конце октября 1800 г. корабли бросили якоря на севастопольском рейде.

Спустя месяц адмирал В. П. фон-Дезин, сменивший на посту главного командира Черноморских флотов и портов уволенного от службы Мордвинова, предписал генерал-майору Сенявину вступить в свою должность³⁴. В соответствии с новыми обязанностями Сенявина в его подчинении находились практически все структурные

подразделения Морского ведомства в Херсоне, являвшегося главным центром кораблестроения на Черном море. Его главная забота состояла в обеспечении успешной деятельности верфи. Довольно долгое пребывание Сенявина в Херсоне при постройке "Св. Петра" позволило ему достаточно хорошо ознакомиться с разносторонней адмиралтейской деятельностью и теперь быстро освоить новые обязанности. Уже 5 июля 1801 г. на основании представления фон-Дезина "об отличном усердии к службе и деятельности главного начальника в Херсонском порте генерал-майора Сенявина" Александр I выразил ему официальное монаршее благоволение³⁵. По долгу службы Сенявину приходилось вникать в различные тонкости постройки и оснастки судов, зачастую самому руководить самым ответственным завершающим этапом - проводкой новопостроенных судов через опасное в навигационном отношении Днепровское гирло³⁶.

Летом 1803 г. Сенявин был освобожден от должности капитана над Херсонским портом и снова переведен во флот. В сентябре в Петербурге состоялось баллотирование высших морских чинов, где рассматривалась и кандидатура Сенявина. Получив при тайном голосовании все "достойные баллы", Сенявин высочайшим повелением был переименован из генерал-

стр. 82

майоров флота в контр-адмиралы, считая его старшинство в этом чине со дня производства в генерал-майоры.

Высочайшим повелением от 27 сентября 1804 г. Сенявин назначается флотским начальником в Ревель - вторую по значению после Кронштадта военно-морскую базу на Балтике³⁷.

В 1804 г. стала явной направленность наполеоновской экспансии на Балканы. В этой ситуации вновь возросла стратегическая весомость Ионических островов. Для воспрепятствования "видам первого консула на Ионические острова и области турецкие со стороны Адриатического и Белого (Эгейского - А. С.) моря", Александр I в подкрепление российскому островному гарнизону отправил из Севастополя пехотную дивизию под командованием генерал-майора Анрепа, а из Кронштадта отряд из двух линейных кораблей и двух фрегатов под брейд-вымпелом капитан-командора А. С. Грейга³⁸. Летом 1805 г. правительство решило усилить контингент российских сил на Средиземном море еще одним балтийским отрядом: в начале июля последовало высочайшее повеление о подготовке к "дальнему походу", без указания конечной цели, трех линейных кораблей и военного транспорта. Спустя две недели число линейных судов было увеличено до пяти. Ход подготовки судов курировал товарищ морского министра П. В. Чичагов - фактический глава Морского ведомства.

Несмотря на все понукания Чичагова, работы затягивались. Одна из причин состояла в отсутствии командующего эскадрой. У высшего руководства были сложности с подбором подходящей кандидатуры. Формально, исходя из числа и ранга судов, отправляемых в плавание и уже находившихся в Средиземном море, соединение составляло флотскую дивизию, и в соответствии с действующим положением

должно было возглавляться флагманом в чине вице-адмирала. Разумеется, кандидат на должность командующего морскими и сухопутными силами в Адриатике должен был быть хорошо знаком с условиями театра, где ему предстояло действовать. Немаловажным являлось также и знание портово-хозяйственной специфики для успешного завершения подготовки эскадры. Указанным требованиям, да и то не в полной мере, соответствовал весьма узкий круг лиц: адмирал Ф. Ф. Ушаков, вице-адмирал П. В. Пустошкин и контр-адмиралы А. П. Алексиано и Д. Н. Сенявин. Назначению Ушакова препятствовали его слишком высокий чин, возраст (ему уже перевалило за шестьдесят лет), и негативное отношение к нему Александра I³⁹. Пустошкин, командовавший эскадрой, и Алексиано служили на Черном море, и перевод их на Балтику надолго задержал бы выход эскадры. Таким образом, оставалась лишь кандидатура Сенявина.

Находившийся в Ревеле Сенявин 27 июля получил высочайшее предписание немедленно принять командование над отправляющейся в поход эскадрой. На следующий день он был уже в Кронштадте, а 30 июля отправил в Петербург обстоятельный доклад о состоянии дел по подготовке судов к выходу в море. Чичагов торопил: он обязал Сенявина завершить подготовку эскадры в двухнедельный срок, указав, что в случае невыполнения распоряжения ответственность ляжет на него.

16 августа Александр I произвел Сенявина в вице-адмиралы. 22 августа Чичагов сообщил Сенявину, что государь пожаловал ему 3000 руб. на "снаряжение" себя в плавание и назначил такую же ежемесячную сумму столовых денег. Несмотря на все трудности, Сенявин смог сообщить в Петербург, что эскадра будет готова к плаванию 23 августа. Спустя два дня после указанного срока эскадру посетил император. Уже перед отплытием Сенявин получил для руководства к действию секретную инструкцию, подписанную царем, с изложением целей экспедиции и политической ситуации, сложившейся в Европе. Документ категорически запрещал заходы в порты Франции и подчеркивал нежелательность посещения любых других портов кроме датских и английских⁴⁰.

10 сентября эскадра оставила Кронштадт и взяла курс на Ревель. Загрузив там отсутствовавшее в главной базе снаряжение и добрав экипажи, ко-

рабли вышли в море. Спустя три недели показались берега Британии, и 9 октября суда стали на Спидхедском рейде. Пополнив эскадру двумя купленными в Англии бригами, погрузив на суда заказанные заранее припасы и взяв на борт нанятых по контракту по лекарю и подлекарю на каждый линейный корабль, а главное снабдив корабельные пушки английскими орудийными замками, эскадра 16 ноября оставила Портсмут. Выход оказался неудачным: в проливе Ла-Манш ее встретил жестокий встречный ветер. Сенявин вынужден был дать сигнал о возвращении. Ночью исчезли в неизвестном направлении 80-пушечный "Уриил", 74-пушечный "Селафаил" и транспорт "Кильдюин", появившийся лишь спустя три дня. Сильный ветер и отсутствие сведений о пропавших кораблях не давали покоя Сенявину. Только в конце месяца ветер изменил направление. Адмирал тотчас же отправил "Кильдюин"

для поиска кораблей или хотя бы сведений о них. 3 декабря отряд вновь отправился в путь. При выходе в Ла-Манш русские суда встретились с частью английской эскадры, возвращавшейся на родину после Трафальгарской победы над соединенным франко-испанским флотом. Флагманский "Ярослав" приветствовал 15-ю пушечными выстрелами шедшие с наполовину спущенными флагами и вымпелами корабли во главе с "Виктори", на борту которого находилось тело павшего в сражении адмирала Г. Нельсона ⁴¹.

Присоединившийся вскоре к отряду "Кильдюин" доставил известие, что "Уриил" и "Селафаил" прошли в океан. Подгоняемая устойчивым попутным ветром эскадра шла на юг. Сенявин остерегался встречи с французскими кораблями. В середине декабря отряд пришел к Гибралтару, на рейде которого Сенявин нашел "Уриила" и "Селафаила". Эскадра опять была в сборе и спустя два дня вышла в Средиземное море. Короткие остановки у берегов Сардинии, в Мессине, и наконец, 18 января эскадра достигла Корфу, над знакомым Сенявину рейдом прокатился грохот орудийного салюта с крепостных бастионов и кораблей отряда А. С. Грей га. Теперь под началом Сенявина находилось 10 линейных кораблей, 5 фрегатов, 6 корветов, столько же бригов, канонерские лодки, вспомогательные суда, и почти 12-тысячный корпус экспедиционных войск.

Между тем обстановка на континенте резко изменилась. Поставленная Наполеоном на колени Австрия отдала победителю в числе прочего бывшие венецианские материковые владения ⁴². Инструкции, полученные Сенявиным при отплытии, в значительной мере потеряли актуальность. Александр I 24 ноября подписал указ об отправлении в Россию большей части армейских полков экспедиционного корпуса, а 14 декабря - рескрипт на имя Сенявина о возвращении всех морских сил в Черное море.

Франция, заняв Западные Балканы, отрезала Ионические острова и соответственно российский гарнизон от материковых баз снабжения и получала возможность открытого давления на Турцию с целью склонения ее на свою сторону. В случае разрыва союзных отношений между Турцией и Россией прерывалась тонкая нить поставок через черноморские проливы. Республика Семи Островов оказывалась в наполеоновских клещах и ее падение было лишь вопросом времени. Обсуждение сложившейся ситуации высшими морскими и армейскими чинами при участии полномочного представителя Александра I при Ионической республике гр. Г. Д. Мочениго позволило утвердиться во мнении, что наилучшим вариантом защиты островов является занятие участка балканского побережья в центральной части Адриатики. Таким образом, опираясь на помощь славянского населения Далмации, Черногории и Герцеговины, традиционно приверженных России, Сенявин мог надеяться остановить французские войска на дальних подступах к островам. Успех операции зависел от быстроты и решительности действий. Следовало упредить передачу австрийцами ключевых крепостей побережья французам. Однако ввод российских войск в формально уже принадлежащие Франции, но еще занятые австрийскими гарнизонами прибрежные укрепления, возможен был только в случае их перехода по просьбе жителей под российское покровительство. Кроме того, успех намеченной операции в значительной

степени зависел от достаточности контингента сухопутных войск. Для Сенявина это являлось самой болезненной проблемой, поскольку генерал Б. П. де-Ласси, командующий армейским экспедиционным корпусом, имел указ императора от 24 ноября о возвращении всех полков в Россию. Но настоятельные просьбы Сенявина и Мочениго, да и сама обстановка склонили де-Ласси к принятию компромиссного решения. Сенявин, ссылаясь на чрезвычайность военных обстоятельств, выделял суда для транспортировки только одного из шести армейских полков. Де-Ласси отправлялся на Черное море с этим полком, формально приступив тем самым к выполнению царского указа. Оставшиеся же войска переходили под начальство Сенявина.

Когда в конце января австрийский комендант Боко-ди-Каттаро объявил населению о передаче порта Каттаро и области французам, это вызвало бурное негодование жителей. Российский дипломатический агент в Черногории известил об этом Сенявина, тут же направившего туда суда с десантом. Русские войска при поддержке отрядов светского и церковного главы Черногории Петра Негоша заняли Каттарскую область. Стратегическое положение Ионической республики и условия базирования русского флота существенно улучшились. Заняв часть далматинского побережья и опираясь на граничащую с Боко-ди-Каттаро Черногорию, Сенявин мог рассчитывать, что ему удастся если не предотвратить, то сильно затруднить продвижение французских сил на юг. Мало того, адмирал разработал и приступил к осуществлению плана наступательных операций в северном направлении с целью овладения далматинским побережьем, и, в первую очередь, городом Рагуза (Дубровник. - А. С.). Располагая значительными морскими силами, Сенявин активно использовал их для блокады занятой противником части побережья, нарушения его морских коммуникаций и защиты торгового мореплавания каттарских судов, ходивших по принятии Боко-ди-Каттаро покровительства России, под российским флагом. Действия флота оказались столь успешны-

стр. 85

ми, что Наполеон потребовал от Австрии закрыть свои порты для российских и английских судов. Сенявин с частью эскадры находился в Триесте, когда его комендант фельдмаршал Цах получил по этому поводу предписание из Вены и предложил адмиралу немедленно покинуть порт. Ответ Сенявина был лаконичен: "...оставлю порт как только исправлю некоторые повреждения моих кораблей". Однако Цах задержал в гавани несколько каттарских судов под российским флагом. Адмирал расценил это как оскорбление русского флага и категорически потребовал их немедленного освобождения, пригрозив, в противном случае, начать бомбардировку города и силой забрать не только свои, но и австрийские суда ⁴³. Комендант вынужден был подчиниться, увидев что русские корабли стали выстраиваться в боевую линию.

Планы развития военно-политического успеха, достигнутого в Боко-ди-Каттаро и Черногории, перечеркнул полученный адмиралом 27 марта рескрипт царя об отзыве морских сил в Россию. Сенявин начал скрытно, стараясь преждевременно не

встревожить своих балканских союзников, готовиться к отплытию в Черное море ⁴⁴. Однако, пока указ три месяца добирался до Корфу, многое переменялось. Александр I указом от 3 февраля предписал задержать армейские полки на Корфу, отменив тем самым свое распоряжение от 24 ноября об эвакуации экспедиционного корпуса де-Ласси. Дешу из Министерства иностранных дел об этом решении царя Мочениго получил вскоре по прибытии рескрипта от 14 декабря 1805 года. Сложилась противоречивая ситуация: армейские части оставались, а флот должен был уйти из Средиземного моря, что резко снижало обороноспособность островов, не говоря уже о Каттарской области. Это понимали и Сенявин и Мочениго, настоятельно убеждавший адмирала задержаться с отзывом кораблей из Адриатики, мотивируя это тем, что по логике вещей вот-вот должен прийти и приказ об отмене рескрипта от 14 декабря. "Я нахожу весьма правильными доводы ваши, чтобы мне дожидаться другого повеления и, принимая все ваши виды во уважение, поставлю себе также за долг несколько повременить", - соглашался с дипломатом адмирал.

Ситуация разрядилась по прибытии на Корфу почты на имя де-Ласси. Однако последний уже находился на пути в Россию. Полагая, что в пакете могут также находиться бумаги, относящиеся к морским силам, Мочениго и Сенявин после некоторых колебаний вскрыли пакет, где нашли ряд документов, из которых следовало, что "начальствующий вице-адмирал Сенявин вправе отложить возвращение эскадры в черноморские порты до получения высочайшего о том повеления" ⁴⁵. Только в конце мая Сенявин получил императорский рескрипт, отменявший прежний от 14 декабря и предоставлявший ему право вести военные действия по своему усмотрению, имея в виду, что "главным предметом ... есть обеспечение Ионической республики, Морей и всей Греции от всякого неприятельского нападения" ⁴⁶. Это позволяло адмиралу активизировать военные действия в Адриатике. Однако время было упущено: французских войск в Далмации "гораздо умножилось", что не дало русским войскам овладеть Рагузой.

Но уже в середине лета 1806 г. российские завоевания на балканском побережье вновь оказались под угрозой их потери: 8 июля уполномоченный российского правительства П. Я. Убри подписал в Париже договор, по которому Россия обязалась вывести войска и передать Боко-ди-Каттаро и другие занятые ею области австрийцам для последующей передачи их французам. Получив депешу от Убри со статьями договора, Сенявин вынужден был вступить в формальные переговоры с австрийскими представителями "дабы выиграть время", упирая при этом на невозможность самостоятельного, без императорского повеления, принятия решения о выводе войск. Твердая позиция Сенявина и на этот раз не подвела его, - Александр I отказался ратифицировать парижский "акт сего мнимого умиротворения" ⁴⁷ и, в общем, одобрил действия адмирала в отношении невыполнения статьи договора Убри о Боко-ди-Каттаро.

1806 г. ознаменовался очередным военно-политическим кризисом, одним из следствий которого явилось объявление Турцией войны России. Сенат Ионической республики, отвергнув требование Порты, под протекторатом которой она находилась, выступить против России, принял демонстративное решение поднести

Сенявину золотые, украшенные бриллиантами шпагу и жезл, подчеркнув тем самым свою приверженность России, роль ее вооруженных сил и лично адмирала в защите независимости республики, ее экономических интересов ⁴⁸ .

Из Петербурга прибыли новые инструкции, где Сенявину предписывалось перейти с основными силами в Архипелаг для пресечения подвоза продовольствия и стратегических материалов в Константинополь, а при благоприятной обстановке и атаковать столицу Турции с моря. Автором этой авантюристической идеи являлся Чичагов, настоятельно навязывавший ее Александру I. План предполагал совместные действия Черноморского флота со стороны Босфора и эскадры Сенявина от Дарданелл. Для выполнения этой задачи адмиралу разрешалось обратиться за содействием к английским союзникам. При этом вся ответственность за последствия операции возлагалась на Сенявина; как говорилось в инструкции: "...как добрые, так и худые следствия не к иному чему, как собственным дарованиям и искусству вашему отнесены будут" ⁴⁹ . Сенявин, трезво оценивая авантюристичность этого проекта, тем не менее, вынужден был формально принять его к исполнению.

На Корфу достоверное известие о ведении открытых военных действий между Россией и Турцией прибыло 5 февраля 1807 года. Спустя пять дней Сенявин, оставив часть сил в Адриатике, с восемью линейными кораблями и фрегатом, имея на борту два батальона пехоты, легкую артиллерию и 250 албанских стрелков, отправился в Эгейское море. Спустя еще пять дней эскадра стала у острова Идра для пополнения запасов питьевой воды. На Идре узнали новость, что английская эскадра, упредив русских, еще 9 февраля прошла через Дарданеллы к Константинополю. В ночь на 21 февраля Сенявин спешно двинулся к проливу ⁵⁰ , где через два дня увидел английскую эскадру вице-адмирала Дакуорта, исправлявшую повреждения после своего рискованного похода к Константинополю. Английский адмирал имел предписание заставить Порту под угрозой бомбардировки с кораблей турецкой столицы разорвать союзные отношения с Францией. Однако, пока шли переговоры, турки установили береговые батареи и подтянули в Босфор военные суда, а французские инженеры привели в боевую готовность артиллерию дарданелльских крепостей. Чтобы не оказаться в ловушке, Дакуорт вынужден был вернуться в Эгейское море, прорываясь по длинному и узкому проливу под огнем пушек крепостных батарей.

Сенявин пытался уговорить Дакуорта повторить прорыв к Константинополю, но теперь уже совместными силами. Английский адмирал отказался, ссылаясь поначалу на необходимость исправления почти трети своих судов, а затем на полученный им приказ перейти с эскадрой к Египту для блокирования его портов. Англичане ушли из Архипелага. Созванный Сенявиным военный совет высказал мнение о невозможности прорыва через Дарданеллы, вследствие чего решено было ограничиться блокадой пролива. В качестве опорной базы эскадры адмирал выбрал Тенедос, расположенный в 10 милях к югу от входа в Дарданеллы. С вершины его единственной горы удобно было следить за устьем пролива. 8 марта корабли начали обстрел островной крепости и побережья, затем был высажен десант. Турки упорно сопротивлялись, но, тем не менее, спустя три дня над крепостью был поднят императорский штандарт.

Стремясь выманить турок в море, Сенявин демонстративно направлял отдельные отряды судов то к острову Митилена, то к Салоникам, то отходил от Тенедоса со всей эскадрой, провоцируя капитан-пашу напасть на остров. Наконец, восемь

линейных кораблей, шесть фрегатов и множество мелких турецких судов приблизились к Тенедосу. Дождавшись попутного ей южного ветра русская эскадра 10 мая направилась к стоящему на якоре

стр. 87

неприятельскому флоту. Турки выстроили боевую линию поперек устья пролива. Между тем ветер слабел, сильное течение из пролива стало относить турецкие суда мористее, ломая боевую линию. Капитан-паша дал сигнал входить в пролив. Однако ветер и течение препятствовали этому, вынуждая турецкие корабли становиться на якорь. Сблизившись с неприятелем в рассыпном строю, русские корабли поодиночке вступали в бой, произвольно выбирая себе противника. Стремясь нанести как можно больше вреда вражеским кораблям, русские канониры стреляли по их корпусам, а не по мачтам и реям. И в этом была их тактическая ошибка. Воспользовавшись усилением ветра и темнотой, турецкие суда ставили паруса и уходили под защиту крепостных батарей. Русские же корабли вернулись к Тенедосу. Так, без явного успеха закончилось первое сражение сенявинской эскадры с турецкой.

Между тем блокада Дарданелл все действенной сказывалась на положении Константинополя: запасы продовольствия подходили к концу, неимоверно вздорожали продукты, над жителями нависла угроза голода. Вспыхнул бунт, закончившийся свержением Селима III. Новый султан потребовал от капитан-паши решительных действий, приказав ему отобрать у русских Тенедос и обеспечить свободный подвоз хлеба из Малой Азии. К этому времени и турецкая, и русская эскадры усилились: капитан-паша получил подкрепление из Босфора, к Сенявину пришли два линейных корабля из Адриатики.

Турецкий флот вышел из пролива 10 июня и, пройдя несколько миль, стал на якорь, готовый в любой момент отойти под прикрытие крепостных батарей. Летом в этой части Эгейского моря южный ветер, благоприятный для перехода русской эскадры от Тенедоса к устью пролива, дул редко и слабо; господствовали ветры северной четверти горизонта⁵¹. Учитывая имевшееся к тому же довольно сильное постоянное течение из пролива в море, добраться до капитан-паши можно было только поднявшись северней устья пролива, чтобы, спускаясь оттуда с сильным попутным ветром, успеть отсечь от него турецкую эскадру. Сенявин 12 июня приступил к выполнению этого обходного маневра, предварительно отдав свой знаменитый приказ по эскадре, которым должны были руководствоваться капитаны в предстоящем сражении.

План боя, изложенный в приказе, однозначно расцениваемый военно-морскими специалистами и исследователями истории флота, как образец высокого военно-морского искусства эпохи парусного флота, предусматривал атаку каждого из трех турецких флагманских кораблей двумя русскими с одного борта с дистанции картечного выстрела. Две оставшиеся пары кораблей - Сенявина, и младшего флагмана А. С. Грейга - должны были обеспечить кораблям основной группы выполнение задачи по выведению из строя турецких флагманов. Учитывая опыт боя у Дарданелл, Сенявин четко оговорил не только сами цели, но и направление стрельбы: "...Есть ли неприятель под парусами, бить по мачтам, есть ли же на якоре,

то по корпусу." Приказ заканчивался словами: "...надеюсь, что каждый сын отечества почтится выполнить долг свой славным образом" ⁵² .

Русская эскадра из 10 линейных кораблей оставила якорную стоянку у Тенедоса и, обойдя остров с юга, направилась к северу. Капитан-паша, узнав об уходе русских от Тенедоса, напал на остров: его корабли обстреливали укрепления, с анатолийского берега на лодках на остров переправилось до 7 тыс. турок. Тем временем Сенявин выполнил задуманный маневр и вышел с наветренной стороны к месту, где еще недавно стоял неприятельский флот. Не обнаружив его ни там, ни в проливе, он 17 июня отправился к Тенедосу. Заметив паруса приближающихся от пролива русских кораблей, Саид-паша снялся с якоря и скрылся с флотом за островом. Разогнав своим приближением по бухточкам побережья турецкую гребную флотилию, Сенявин вынужден был остановиться для пополнения снабжения и запасов гарнизона крепости. Утром следующего дня он отправился на поиски капитан-паши. Вечером адмирал взял курс к Дарданеллам, стремясь занять выгодную наветренную позицию на случай, если каптан-паша еще не успел проскользнуть в

стр. 88

пролив. Эскадры разделял только остров Лемнос. На рассвете следующего дня, 19 июня, с русских судов увидели выходящий из-за Лемноса неприятельский флот в составе 10 линейных кораблей, шести фрегатов и нескольких меньшего ранга судов, держащий курс также к северу. Колонна русских линейных кораблей, подгоняемая почти идеальным для нее по силе и направлению ветром, под всеми парусами шла наперерез неприятельской эскадре. В 8 часов утра на мачте флагманского "Твердого" затрепетали разноцветные флаги - сигнал начать сражение. Турецкие корабли шли в боевой линии, в центре которой находились три адмиральских корабля. Высокий уровень организованности и боевой выучки экипажей позволил провести начальную фазу боя почти в соответствии с разработанной адмиралом схемой. Сам же Сенявин с "Твердым" и "Сильным" сражался на самых ответственных участках то с одной, то с другой группой неприятельских судов, препятствуя им прийти на помощь своим флагманским кораблям. "...Турецкие корабли, жестоко повреждаемые, не переставали отчаянно драться и нападать; ...и безусловно можно признать, что турецкий корабль легче разбить, потопить, сжечь, нежели принудить сдаться".

Сражение закончилось вблизи Афонского полуострова поражением турецкого флота: в плен был взят, правда сильно поврежденным, без мачт, с разбитой артиллерией и заваленными телами убитых палубами, вице-адмиральский корабль; два фрегата и линейный корабль взлетели на воздух; два фрегата затонули от полученных повреждений, и у острова Тассо турки сами сожгли разбитые линейный корабль и фрегат.

Остатки турецкого флота ушли в Дарданеллы, а затем в Константинополь, где адмиралу и четырём капитанам отрубили головы "за то, что не умерли в сражении" ⁵⁴ , а Сенявин, получив сообщение, что Тенедос в отчаянном положении, отправился спасти его гарнизон. Окружив кораблями остров, он под дулами корабельных пушек принудил турецкий десантный отряд в 4600 человек сдаться на условиях, что отпустит их с оружием и имуществом. Тенедос вновь перешел полностью в руки

русских. Корабли исправляли полученные в последнем сражении повреждения, продолжали блокаду пролива.

Между тем обстановка на континенте снова резко изменилась. 23 августа прибыл курьер с высочайшим рескриптом, которым повелевалось прекратить военные действия, передать Тенедос Турции, а Ионические острова и Боко-ди-Коттаро - Франции, флоту же и армейским полкам возвращаться в Россию. Формального перемирия с Турцией еще не было, и поэтому Сенявин приказал перед уходом с Тенедоса взорвать укрепления. В Корфу эскадра пришла 4 сентября.

Крутой поворот в политике России после Тильзитского мира поставил Сенявина в сложное положение: вчерашние союзники - англичане, чей флот господствовал в Средиземном море и Атлантическом океане, не говоря уже о проливе Ла-Манш и Северном море, завтра могли стать противниками. Пока этого не случилось, следовало спешить с возвращением на Балтику.

Шесть армейских полков на купеческих судах отправились в Триест, откуда они пешим порядком должны были идти в Россию. Корабли, фрегаты и транспорты Черноморского флота ушли в Триест и Венецию, дожидаться обещанного Наполеоном Александру I согласия Турции на пропуск этих судов через проливы для возвращения в Севастополь. Балтийский отряд из 10 линейных кораблей, двух фрегатов и шлюпа под флагом Сенявина покидал Корфу 19 сентября.

6 октября корабли вышли в Атлантику, но уже к вечеру следующего дня встречный шквал остановил эскадру. После десяти дней изнуряющей борьбы Сенявин повел эскадру в открытый океан, надеясь отыскать вдали от берегов благоприятный ветер. Но и там он нашел все тот же крепкий северный ветер. Изношенные корабли с трудом держались на плаву. Ночь с 26 на 27 октября принесла ураган, разбросавший суда по океану и причинивший им повреждения, с которыми дальнейшее плавание стало невозможным. Сенявин су-

стр. 89

мел собрать большую часть эскадры и направился в нейтральный, по его сведениям, Лиссабон. 30 октября эскадра вошла в порт, где, к глубокому облегчению, адмирал нашел два своих корабля, потерявшихся во время последнего шторма. По осмотру Сенявиным судов, оказалось, что практически все они требовали серьезного ремонта. Адмирал обратился к португальским властям за позволением закупать необходимые материалы и остаться эскадре до весны в Лиссабоне, на что было получено разрешение.

Однако Лиссабон оказался не лучшим местом для зимовки русской эскадры. В город должны были войти французские войска. Английская эскадра заблокировала устье реки Тежу. Сенявин отправил в Петербург рапорт с просьбой снабдить его инструкциями на дальнейшее время.

Между тем, власть в Португалии сосредоточилась в руках наместника Наполеона

генерала Жюно. На первых порах отношения Сенявина с новыми властями складывались достаточно дружески: французы содействовали ремонту кораблей русской, теперь союзной им эскадры; на балу, состоявшемся 12 января 1808 г. на флагманском корабле "Твердый", кроме гостей из города присутствовали штаб генерала Жюно в полном составе и офицеры испанских полков, входивших в состав его корпуса⁵⁵. Англичане, поначалу опасавшиеся, что эскадра Сенявина намерено прибыла в Лиссабон в соответствии с секретными статьями Тильзитского договора, убедились в ошибочности своих предположений. И хотя Англия и Россия формально находились в состоянии войны, командование английской эскадры не предпринимало никаких враждебных действий против русских.

Только в середине февраля 1808 г. в Лиссабон прибыли инструкции для Сенявина. Чичагов сообщил адмиралу указания Александра Т. Император выражал уверенность, что в случае атаки британским флотом русской эскадры, "неприятель будет отражен и честь Российского флага защитится"; если же нападение произойдет "гораздо превосходнейшими силами", и гибель судов будет неминуема, то разрешалось команды снять с кораблей, а их сжечь или затопить, чтобы они не стали добычей неприятеля. Если же эскадра сохранится в боеспособном состоянии, то ее действия должны быть подчинены распоряжениям Наполеона, которые адмирал будет получать через российского посла в Париже. Документ недвусмысленно давал понять, что в войне с Англией эскадра должна играть пассивную роль. Бонапарта, понятно, это не устраивало. Стремясь заставить Россию фактически вести военные действия против Англии, он добился, что Александр I подписал 1 марта 1808 г. рескрипт командующим эскадрами, находящимся вне страны, в том числе и Сенявину, с приказом "учредить все действия и движения вверенной начальству вашему эскадры, чиня неукоснительно точнейшие исполнения по всем предписаниям, какие от его величества императора Наполеона посылаемы вам будут"⁵⁶.

Курьеры, прибывавшие из Петербурга и Парижа, доставляли не только повеления, все жестче ограничивавшие самостоятельность действий адмирала, но иногда и приятные сюрпризы. В мае нарочный привез награды, пожалованные Александром I за победы над турками. Сенявин получил орден св. Александра Невского.

Давление французского командования на Сенявина возрастало по мере ухудшения положения наполеоновских войск в Португалии. Восстания в северных провинциях страны и в Испании против владычества Франции, высадка английских десантов на португальском побережье побуждали Жюно все настойчивей требовать участия в военных действиях российских войск и кораблей. Сенявин же отмалчивался или отделялся отписками с зачастую явно надуманными причинами отказа. Ничто не могло заставить адмирала, видевшего в сохранении эскадры свою главную задачу, нарушить избранный им негласный нейтралитет.

В середине августа 1808 г. французские войска в Португалии потерпели поражение. Жюно подписал конвенцию о сдаче, и англичане заняли Лиссабон. Если при французах положение русской эскадры было сложным, то

теперь оно стало критическим. Англичанам предпочтительно было захватить эскадру в качестве военного трофея. С другой стороны, зная решительность и непреклонность Сенявина, они понимали, что тот скорее взорвет или затопит свои суда, чем сдаст их неприятелю. Начались переговоры. Сенявин с завидной дипломатической тонкостью ссылаясь на неучастие русских в военных действиях на стороне французов, и на то, что теперь, после освобождения Португалии и восстановления ее государственности, эскадра находится в порту вновь нейтральной страны со всеми вытекающими отсюда последствиями, определяемыми международными договорами. Английский адмирал Коттон приказал в ответ поднять над фортами британские флаги, заявив, что взятый с бою Лиссабон не может считаться нейтральным портом.

Лондонский кабинет заранее наметил возможные варианты действий в отношении русской эскадры и наделил Коттона необходимыми полномочиями для ведения переговоров. Признание Лиссабона нейтральным портом влекло необходимость до момента подписания перемирия между Россией и Англией держать у устья Тежу эскадру, равную по силе сенявинской, для блокирования последней. Содержание такого отряда обходилось довольно дорого, да и корабли целесообразней было использовать в борьбе с французским флотом. Поэтому англичане, в общем-то, принудили Сенявина под дулами орудий занятых ими фортов принять более выгодный для них вариант интернирования эскадры в одном из портов Англии. Впоследствии в объяснительной записке царю Сенявин по этому поводу писал; "...будучи стесняем со всех сторон несоразмерно превосходнейшими неприятельскими силами..., был уверен, что при малейшем с моей стороны упорствовании эскадра должна непременно истребиться или достаться во власть неприятеля, ...с другой стороны, находил выгоду купно с честью поддаться на предложения неприятельские"⁵⁷. 22 августа Сенявин и Коттон подписали конвенцию, по которой русские корабли передавались на сохранение английскому правительству, обязующемуся возвратить их России в теперешнем их состоянии в течение шести месяцев после заключения мира; военнослужащих с эскадры правительство отправляет за свой счет в Россию без каких-либо ограничений относительно их дальнейшей службы. По настоянию Сенявина командующие эскадрами утвердили дополнительные статьи, чрезвычайно важные для Сенявина, поскольку речь шла об ограждении чести и достоинства российского флага: "Флаг его императорского величества на моем корабле и на других русских кораблях не снимается, покуда адмирал не сойдет со своего корабля, или покуда их капитаны не учинят того же самого". Утверждая это требование Сенявина, Коттон вышел за рамки данных ему полномочий, что навлекло на него немало нареканий английского общественного мнения и служебное разбирательство.

31 августа корабли русского отряда, приняв на борт экипажи оставшихся в Лиссабоне неблагонадежных "Рафаила" и "Ярославля", в сопровождении равного по силе эскорта покинули Португалию. Когда спустя две недели эскадры подходили к портсмутскому рейду, на кормовых флагштоках русских кораблей развивались андреевские флаги. На следующий день, 15 сентября, сенявинская эскадра перешла на внутренний рейд под барабанный бой выстроенной для официальной встречи английской морской пехоты и возмущенные выкрики из собравшихся на берегу толп народа, требовавших убрать неприятельские флаги. 16 сентября Сенявину вручили ноту первого лорда адмиралтейства, аннулирующую от имени короля как неправомочные дополнительные статьи конвенции, и в категоричной форме

требующую снять флаги. Выразив официальный протест по данному поводу, адмирал, тем не менее, ответил, что "находясь в порте и владении английском не могу не исполнить воли его королевского величества". На следующее утро на мачтах русских кораблей были подняты только вице-адмиральский флаг на флагмане и капитанские вымпелы на остальных. Командир Портсмутского порта расценил это как нарушение королевского указа и, угрожая применить силу, потребовал немедленно спустить и их. Вскоре адмирал Монтегю уже читал

стр. 91

резкий ответ Сенявина: "...я здесь еще не пленник, никому не сдавался, не сдамся и теперь, флаг мой не спущу днем, и не отдам его как только вместе с жизнью моею". Монтегю больше не настаивал, и флаги были спущены "в обыкновенное время по захождении солнца, с должными почестями"⁵⁸. От предложения съехать ему и капитанам для жительства на берег Сенявин отказался и продолжал находиться на кораблях вместе с экипажами до конца пребывания в Англии, сохранив, во многом благодаря этому, в командах воинскую дисциплину и порядок в этот долгий период вынужденного бездействия.

В середине октября суда эскадры перешли на отведенное им место постоянной стоянки между островом Уайт и городком Госпорт. Без флагов, со спущенными реями и стеньгами, свезенными на берег порохом и пушками, они являли собой удручающую картину. В Портсмуте в это время находились в плену экипажи фрегата "Спешный" и транспорта "Вильгельмина". "Спешного", везшего на Корфу около двух миллионов рублей в золотой и серебряной монете жалованья экипажам судов сенявинской эскадры, разрыв между Россией и Англией застал на портсмутском рейде. Фрегат был захвачен, деньги конфискованы. Однако серебряный сервиз - подарок Александра I Сенявину, также находившийся на борту фрегата, англичане передали адмиралу как его собственность⁵⁹. Подарок царь сделал еще до прибытия эскадры в Португалию и заключения конвенции о передаче ее англичанам, узнав о чем император "был очень опечален, но делу помочь было уже поздно"⁶⁰.

На эскадре понимали, что до открытия весенне-летней "коммуникации" на Балтике, британское адмиралтейство не может отправить экипажи в Россию, хотя их содержание было весьма накладно для англичан: месячная сметная сумма превышала 400 тыс. руб. Несмотря на то, что портовые власти мелочно сэкономили на всем, вовлекая тем самым Сенявина в бумажную войну с адмиралтейскими чиновниками, русским морякам жилось, особенно в сравнении с их пленными товарищами со "Спешного", довольно сносно. Офицеры могли посещать Портсмут, совершали поездки на остров Уайт. "...Мы здесь не похожи на врагов, а более на друзей, - писал своим знакомым в Россию один из офицеров, видя в этом прежде всего заслугу Сенявина. - ...Этот удивительный начальник сумел снискать уважение и у неприятелей"⁶¹. В феврале 1809 г. адмирал Кэри, сменивший Монтегю, приезжал на эскадру официально выразить Сенявину благодарность лондонского кабинета "за поведение офицеров и нижних чинов". Признательные сослуживцы, в большинстве искренне уважавшие и любившие Сенявина, решили преподнести ему в качестве памятного подарка серебряную вазу, которую заказали в Лондоне, и благодарственный адрес - "Общий глас офицеров к своему начальнику господину

вице-адмиралу Дмитрию Николаевичу Сенявину". Растроганный адмирал дал бал, пригласив на обед всех офицеров, которые "были вполне счастливы, что заплатили благодарностью отличному нашему начальнику".

В июне 1809 г. началась подготовка к размещению экипажей на английских грузовых судах для отправки их в Россию. Однако вскоре она была приостановлена в связи с нехваткой транспортных средств для операции по высадке британских десантных войск на голландское побережье. Только 3 августа личный состав эскадры был погружен на купеческие суда. Вечером следующего дня конвой из 21 транспорта в сопровождении английского фрегата "Чампион", где находился Сенявин, покинул Портсмут. В проливе Большой Бельт, "Чампиона" сменил пришедший из Англии фрегат "Тартар", привезший Сенявину подарочную серебряную вазу. 8 сентября адмирал со всем личным составом прибыл в Ригу, завершив свою драматичную четырехлетнюю средиземноморскую эпопею. После выполнения карантинных, таможенных и прочих формальностей, команды отправились сухим путем частью в Кронштадт, частью в Ревель. Сенявин же отбыл в Петербург, где ему предстояло дать отчет о своих действиях правительству. Ехал он с тяжелым сердцем, будучи поставлен в известность о запрете появляться при дворе. Началась долгая полоса опалы. Александр I не простил Сеня-

стр. 92

вину Лиссабонскую конвенцию, явившуюся нарушением его указов и поставившую императора в неблагоприятное положение перед Наполеоном, не говоря уже о беспрецедентном в морской истории России факте сдачи боеспособной эскадры противнику.

В столицу Сенявин прибыл 24 сентября. Здесь он находился до весны 1811 г., занимаясь сдачей обширной документации по эскадре и подготовкой многочисленных отчетов для различных служб Морского министерства. В 1810 г. адмирал по семейной традиции определил своего первенца Николая в морской кадетский корпус⁶². Наконец, все бумажные дела были, в основном, закончены, и в апреле 1811 г. он был назначен императорским указом главным командиром Ревельского порта, что, в общем, можно расценить даже как некоторое продвижение по службе по отношению к его прежней должности старшего морского начальника. Вице-адмирал уехал в Ревель, оставив семью в Петербурге.

После четырехлетнего, практически, единовластного командования эскадрой и армейскими частями, второстепенная береговая должность была не в радость Сенявину. Тяготило все, - и недоброжелательное отношение со стороны царя и морского руководства, и бедственное состояние флота, когда из списочного состава в 42 линейных корабля на Балтике в строю находилось только 9⁶³ и собственное стесненное материальное положение, а главное, невыполненные обязательства перед сослуживцами по экспедиции о выплате им призовых денег тотчас же по возвращении на родину.

До вступления Турции в войну деньги для расходов по эскадре поступали через Севастополь и частично от графа Мочениго. С закрытием проливов поступление

финансовых средств прекратилось, и Сенявин вынужден был использовать на содержание эскадры и войск суммы, получаемые от продажи захваченных неприятельских, так называемых, призовых судов и грузов, являвшихся подействовавшим узаконнением собственностью команд, захвативших приз. По возвращении в Россию адмирал сразу же принялся хлопотать о выплате своих и служительских призовых денег, составлявших сумму около 400 тыс. червонцев. Поначалу это касалось подлежащих демобилизации увечных и отслуживших свой срок морских чинов, которым правительство выплачивало задолженности по курсу 3 руб. 30 коп. за червонец. Столь низкий курс, служителям армейских частей, вернувшимся из Англии, выплата денег с утверждения императора производилась из расчета 9 руб. за червонец, был определен Александром I в отместку морякам за сдачу своих кораблей. Когда же Сенявин обратился с просьбой о выдаче 25 тыс. руб. из положенной ему призовой суммы, он получил не просто отказ, а отказ с императорской резолюцией, "что нельзя предполагать установленной о призах награды тоща, когда и сама эскадра приобретающая сии призы, оставлена наконец в руках неприятельских" ⁶⁴.

Началась многолетняя, унижительная для Сенявина тяжба с правительством о выплате призовых денег. Причем речь шла уже не о нем лично, а о сослуживцах по экспедиции, безуспешно пытавшихся получить принадлежащие им деньги, и обращавшихся за содействием к бывшему своему командующему. Сенявин старался доказать чиновникам, что императорская резолюция о призах относится только к нему, как главнокомандующему, и что только он несет ответственность за подписание Лиссабонской конвенции, а призовые деньги суть не награда, которую можно дать или не дать, а законная личная собственность российских подданных, отданная ими на время казне. Нельзя сказать, что морская администрация этого не понимала, но императорская резолюция являлась предлогом для отказа от выплаты денег, которых как министерство, так и правительство не имело. Инфляция, огромный дефицит государственного бюджета, обусловленные непрерывными войнами, опустошили казну. Тем не менее, правительство в 1811 г. нашло возможность выплатить долг в 2 450 000 руб. по особой статье бюджета "на удовлетворение команд бывших в эскадре вице-адмирала Сенявина жалованьем, провизией и прочим", но не включавшей призовые деньги ⁶⁵.

стр. 93

В 1812 г. Сенявин подал прошение на имя царя о своем желании участвовать в войне против Наполеона. На обескураживающую резолюцию императора "где? в каком роде службы? и каким образом?" адмирал в письме морскому министру И. И. де Траверсе ответил, что он даже согласен уволиться с должности, набрать из своих крепостных крестьян отряд и вступить в ополчение, чтобы "служить таким точно образом, как служил я всегда, и как обыкновенно служат верные и приверженные русские офицеры государю императору своему и Отечеству" ⁶⁶. Письмо вообще не было удостоено ответа. Оскорбленный столь явным пренебрежением, адмирал подал прошение об отставке и был уволен в апреле 1813 г. от службы с пенсионом половинного жалованья, составившим 1000 рублей. В этом году на Балтику вернулось два линейных корабля из оставленных Сенявиным в Портсмуте - "Мощный" и "Сильный". Вошедшие в состав флота в 1805 г., они сохранились лучше других. За остальные пять кораблей и фрегат, которые уже не могли выйти в море из-

за плохого состояния, англичане уплатили России по их остаточной стоимости. Корабли доставили в Кронштадт корабельную артиллерию и амуницию, снятые в свое время англичанами с судов эскадры.

Сенявин поселился в Петербурге в небольшом бревенчатом доме, где жил почти затворником. Скучность средств, которыми он располагал, не позволяла ему содержать семью в дорогом для жизни Петербурге и он отправил ее, видимо, в свое небольшое имение в Тульской губернии. Длительная тяжба по поводу находившегося под арестом его родового калужского имения в 183 души мужского пола, постоянно требовала денег, и он все больше и больше влезал в долги. Иногда навещавшие его сослуживцы с трудом узнавали в сидящем обычно на скамейке у ворот понуром пожилым человеке своего бывшего командира: жизнерадостного, высокого и крепкого, с румянцем во всю щеку. Снова и снова адмирал обращался к властям с прошениями о выдаче ему и его бывшим подчиненным призовых денег. В последнем прошении, находясь на грани отчаяния, адмирал писал: "Честь моя жестоко страдает и отнимается хотя неважное все и последнее мое достояние (то есть спорное имение. - А. С.), и я, не имея никакого имущества, а получая только тысячу рублей пенсии, нахожусь в крайнем со всех сторон стеснении под бременем долгов". И в конце крик души: "Государь, непусти упасть под бременем чувствований страждущей чести и не лиши действия ... тобой любимого правосудия, того, который не щадил ни имения, ни самой жизни для запечатления тебя, государь, опытами своего усердия и верноподданнической преданности" ⁶⁷. Наконец, император смилостивился: в 1818 г. была назначена призовая комиссия. По итогам ее работы Сенявин в 1820 г. получил 300 тыс. руб. серебром призовых денег. Большая их часть ушла на оплату его долгов.

В том же, 1820 году, случились события, неприятные для Сенявина. В марте сын Николай оставил флотскую службу и перешел в лейб-гвардии Финляндский полк с чином поручика. 7 ноября близкий знакомый Сенявина уведомил его о слухе "будто существует здесь (то есть Петербурге. - А. С.) какое-то общество, имеющее вредные замыслы против правительства, и что почитают его, Сенявина, начальником или головою этого общества". Сообщение чрезвычайно обеспокоило адмирала, поскольку грозило куда более серьезными последствиями, чем просто царская опала. Утром следующего дня Сенявин был первым посетителем на квартире управляющего министерством внутренних дел графа В. П. Кочубея. В беседе с графом он отменил всякие домыслы о своем участии в антиправительственном обществе, о существовании которого даже не знал, и заверил Кочубея в полной лояльности и преданности верховной власти и лично императору. Однако назвать имя человека, сообщившего ему этот слух, он отказался, сославшись на непорядочность такого поступка. Министр одобрил намерение адмирала нанести визит по этому же поводу столичному военному генерал-губернатору и написать государю, "если он, Сенявин, уверен в невинности своей, как и он, граф Кочубей, полагает" ⁶⁸. Каких-либо последствий для Сенявина это дело, видимо, не имело.

Сразу же по воцарении Николая I Сенявин подал прошение о принятии его на службу. Новый император, видимо, знал обстоятельства опалы известного адмирала

и придерживался по данному поводу отличного от покойного брата мнения. Царская резолюция от 24 декабря 1825 г. гласила: "Принять прежним старшинством и объявить, что я радуюсь видеть опять во флоте имя, его прославившее" ⁶⁹. На следующий день Сенявин первым из российских моряков был пожалован в генерал-адъютанты. Между тем, сын Николай в марте 1826 г. попал под арест по делу декабристов. Затем, по ходу работы следственной комиссии выяснилось, что руководители Северного общества намеревались включить в свое временное правительство адмиралов Мордвинова и Сенявина ⁷⁰. Отца не тронули, но сына продержали до середины июня, когда по решению комиссии, не выявившей явных связей капитана лейб-гвардии Сенявина с заговорщиками, его освободили, "вменяя арест в наказание".

31 декабря 1825 г. император подписал рескрипт, предписывавший создание "Комитета образования флота", куда, в частности, вошли Д. Н. Сенявин, А. С. Грейг, И. Ф. Крузенштерн. Комитет заслушал доклад Сенявина с анализом причин упадка морских сил России и программой их обновления, ставшей основой для разработки новых штатов отечественного флота ⁷¹.

В кампанию 1826 г. Сенявин командовал эскадрой, стоявшей на кронштадтском рейде. Николай I продолжал осыпать милостями стареющего флотоводца: он жалует его чином адмирала и назначает сенатором. Тем самым император как бы стремился показать, сколь высоко ценит верховная власть верность и преданность трону в человеке, который, не в пример другим, ничем не обделенным, но вышедшим 14 декабря на Сенатскую площадь, имел все основания для недовольства властью, но, тем не менее, даже в мыслях не усомнился в священности основ монархии.

1827 г. принес резкое обострение Восточного вопроса. Новая война с Турцией стала, практически, неизбежной. Сенявин рассчитывал на назначение его главным командиром Черноморского флота. Однако царь поручил ему сопровождать с отрядом кораблей до Портсмута отправляющуюся в Средиземное море эскадру контр-адмирала Л. П. Гейдена. С начала мая Сенявин почти все время находится в Кронштадте, занимаясь подготовкой эскадр к походу. Свой флаг он поднял на линейном корабле "Азов", которым командовал капитан 1 ранга М. П. Лазарев, будущий известный российский адмирал. Эскадры трижды посещал Николай I, удостаивая каждый раз Сенявина "высочайшего благоволения" ⁷². Накануне отправления в море адмиралу было пожаловано 25 тыс. руб. серебром. При награждении моряков по случаю Наваринской победы царь не обошел и Сенявина: ему были пожалованы бриллиантовые знаки к ордену св. Александра Невского.

В кампании 1828 и 1829 гг. Сенявин продолжал командовать эскадрами, совершая плавания по Балтике. Царь жалует его 12-летней арендой в 8 тыс. рублей. В последнем походе Сенявин серьезно занемог: на ногах появились отеки, перешедшие в водянку. По рекомендации врачей он в следующем году, взяв четырехмесячный отпуск, поехал в Москву лечиться искусственными минеральными водами. Однако болезнь прогрессировала. К тому же Сенявина в этом году постигло тяжелое горе: умер младший сын Лев, до этого оставивший службу в армии по причине слабого здоровья.

Скончался адмирал 5 апреля 1831 г., оставив двух дочерей - Марию и Александру, и сына Николая Дмитриевича, ставшего командиром 30-го егерского полка. Он не

намного пережил отца: случайная простуда оказалась фатальной для 34-летнего полковника. Д. Н. Сенявин завещал похоронить себя без всяких почестей на Охтинском кладбище. Однако ледоход на Неве не позволил исполнить последнюю волю усопшего. Император пожаловал на погребение 5 тыс. руб., оплатил казенный долг адмирала в 30 тыс. руб., пожаловал вдове адмирала Терезе Ивановне пожизненную пенсию в 10 тыс. руб., и сам командовал почетным воинским эскортом на всем пути траурной процессии от Адмиралтейской церкви до Благовещенского собора Александровской лавры, где упокоился выдающийся российский адмирал.

стр. 95

Примечания

1. КОРГУЕВ Н. Обзор преобразований Морского кадетского корпуса с 1852 г. СПб. 1897, с. 32.
3. ВЕСЕЛАГО Ф. Ф. Краткая история русского флота. СПб. 1893, с. 112 - 113.
3. Русские и советские моряки на Средиземном море. М. 1976, с. 50.
4. Записки адмирала Д. Н. Сенявина. - Морской сборник. 1913, N 7, с. 7, 12, 13, 16.
5. Материалы для истории русского флота. Ч. VI. СПб. 1877, с. 601.
6. История города-героя Севастополя. 1783 - 1917. Киев. 1960, с. 30.
7. ГОЛОВАЧЕВ В. Ф. История Севастополя как русского порта. СПб. 1872, с. 86.
8. Записки Сенявина, с. 25.
9. История отечественного судостроения. Т. 1. СПб. 1994, с. 260.
10. Записки Сенявина, с. 28.
11. Приложения и дополнения к камер-фурьерскому журналу 1787 г. СПб. 1886, с. 70.
12. Материалы. Ч. XV. СПб. 1895, с. 55. 58. 60.
13. Бумаги кн. Г. А. Потемкина-Таврического. - Сборник военно-исторических материалов. Вып. 6. СПб. 1893, с. 354 - 358.
14. Записки М. Гарновского. - Русская старина, 1876. N 5, с. 32.

15. Памятные записки А. В. Храповицкого. М. 1990, с. 78.
16. Военная энциклопедия. Г. 7. СПб. 1912, с. 226.
17. Российский государственный архив военно-морского флота (РГАВМФ), ф. 197, оп. I, д. 63, л. 78; ПЕТРОВ А. П. Вторая турецкая война в царствование императрицы Екатерины II. СПб. 1880, с. 206 - 208.
18. Бумаги кн. Г. А. Потемкина-Таврического. - Сборник военно-исторических материалов. Вып. 7. СПб. 1894, с. 51; Жизнь моя. Записки адмирала Данилова. 1759 - 1806 гг. Кронштадт. 1913, с. 110.
19. АРЦИМОВИЧ А. А. Адмирал Дмитрий Николаевич Сенявин. - Морской сборник. 1855, N 4, с. 157 (отдел учено-литературный).
20. Материалы, ч. XV, с. 230.
21. Письма адмирала И. М. де Рибаса. - Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 11. Одесса. 1879, с. 396. 400, 401.
22. Бумаги кн. Г. А. Потемкина-Таврического. Вып. 8. СПб. 1894, с. 17.
23. Материалы, ч. XV, с. 293. 383.
24. Бумаги кн. Г. А. Потемкина-Таврического, вып. 8, с. 139.
25. Материалы, ч. XV, с. 381 - 386, 404.
26. Адмирал Ушаков. Документы. Т. I. М. 1951, с. 521, 536.
27. Письма адм. И. М. де Рибаса, с. 428; Материалы, ч. XV, с. 409.
28. Адмирал Ушаков. Документы, с. 618.
29. РГАВМФ, ф. 245, оп. 1, д. 138; ТИМОФЕЕНКО В. М. Города Северного Причерноморья во второй половине XVIII века. Киев. 1984, с. 138.
30. АРЦИМОВИЧ А. А. ук. соч., N 11, с. 267; ФРАНСИСКО ДЕ МИРАНДА. Щоденник. - Ктвська старовина, 1996, N 1.
31. СОКОЛОВ А. П. Летопись крушений и пожаров судов русского флота от начала его по 1854 год (1713 - 1854), СПб. 1855.
32. Адмирал Ушаков. Документы. Т. 2. М. 1952, с. 177.

33. Архив гр. Мордвиновых. Т. 2. СПб. 1901, с. 686 - 687.
34. Материалы. Ч. XVI. СПб. 1902. с. 477, 530.
35. РГАВМФ, ф. 243, оп. 1. д. 124, л. 29; Материалы. Ч. XVII. СПб. 1904, с. 36.
36. РГАВМФ, ф. 1057, оп. 1, д. 124, л. 22.
37. Материалы, ч. XVII, с. 560; ГОЛОВИЗИН К. Очерки для истории русского флота. - Морской сборник, 1883, N 10. с. 156 (отдел неофициальный).
38. ТАРЛЕ Е. В. Сочинения. Т. 10. М. 1959, с. 248 - 250; ВЕСЕЛАГО Ф. Ф. ук. соч. Ч. 11. СПб. 1895, с. 328.
39. РГАВМФ, ф. 25, оп. I, д. 16, л. 15, 16.
40. ГОЛОВИЗИН К. ук. соч., N 12, с. 89 - 112.
41. БРОНЕВСКИЙ В. Записки морского офицера в продолжении кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Д. Н. Сенявина от 1805 по 1810 г. Ч. 1. СПб. 1836, с. 66.
42. ТАРЛЕ Е. В. Наполеон. М. 1957. с. 175.
43. БРОНЕВСКИЙ В. ук. соч., с. 112 - 114; ШАПИРО А. Л. Адмирал Д. Н. Сенявин. М. 1958, с. 126.
44. БРОНЕВСКИЙ В. ук. соч., с. 175 - 177.
45. СТАНИСЛАВСКАЯ А. М. Россия и Греция в конце XVIII - начале XIX века. М. 1976, с. 239.
46. РГАВМФ, ф. 315. оп. 1, д. 65, л. 80 - 83.

стр. 96

47. ШИЛЬДЕР Н. Император Александр I, его жизнь и царствование. Т. 2. СПб. 1904, с. 152.

48. СТАНИСЛАВСКАЯ А. М. ук. соч., с. 331; ГОНЧАРОВ В. Адмирал Дмитрий Николаевич Сенявин. - Морской сборник, 1913, N 7, с. 60 (отдел неофициальный).

49. ГОНЧАРОВ В. ук. соч., с. 63.
50. ПАНАФИДИН П. И. Письма морского офицера. Пг. 1916, с. 50.
51. КОКОВЦОВ М. Г. Описание Архипелага и Варварийского берега. СПб. 1786, с. 19.
52. БРОНЕВСКИЙ В. ук. соч. Ч. 3. СПб. 1837, с. 88.
53. ПАНАФИДИН П. И. ук. соч., с. 62.
54. БРОНЕВСКИЙ В. Письма морского офицера. Ч. 2. М. 1825, с. 358, 361.
55. ПАНАФИДИН П. И. ук. соч., с. 84.
56. ГОНЧАРОВ В. ук. соч., с. 80 - 81; ТАРЛЕ Е. В. Сочинения, т. 10, с. 331.
57. Там же, с. 343.
58. АРЦИМОВИЧ А. А. ук. соч. N 12, с. 253 - 255; БРОНЕВСКИЙ В. Записки, ч. 4. СПб. 1837, с. 298 - 299.
59. ГОЛОВИН В. М. Путешествие на шлюпе "Диана". М. 1961, с. 126; ДАВЫДОВ Ю. В. Вечера в Колмове. И перед взором твоим... Опыт биографии моряка-мариниста. М. 1989, с. 228; ПАНАФИДИН П. И. ук. соч., с. 96 - 97.
60. АРЦИМОВИЧ А. А. ук. соч. N 12, с. 254.
61. ПАНАФИДИН П. И. ук. соч., с. 101.
62. Общий морской список. Ч. 8. СПб. 1894, с. 207.
63. КАЛЛИСТОВ Н. Д. Русский флот и двенадцатый год. СПб. 1912, с. 20 - 27.
64. РГАВМФ, ф. 25, оп. 1, д. 145, л. 17об., 17.
65. БЛИОХ И. О. Финансы России XIX столетия. Т. 1. СПб. 1882; БРЖЕСКИЙ Н. Государственные долги России (Историко-статистическое исследование). СПб. 1896; ПЕЧЕРИН Я. И. Исторический обзор росписи государственных доходов и расходов, СПб. 1896; Сборник РИО. Т. 45. СПб. 1885, с. 458.
66. АРЦИМОВИЧ А. ук. соч. N 12, с. 260.
67. ГОНЧАРОВ В. ук. соч., с. 91 - 95.

68. ТАРЛЕ Е. В. Сочинения, т. 10, с. 354, 355.

69. ГОНЧАРОВ В. ук. соч., с. 95.

70. СЕМЕНОВА А. В. Временное революционное правительство в планах декабристов. М. 1982, с. 14.

71. История отечественного судостроения, т. 1, с. 345; БЕСКРОВНЫЙ Л. Г. Русская армия и флот в XIX в. М. 1973, с. 494.

72. Записки Государственного адмиралтейского департамента. СПб. 1827, с. 291 - 302.

стр. 97